

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.141-161

В. А. Маслов*

Судимость в России в 2013–2022 годах: общая характеристика и особенности совершаемых деяний, виновных лиц и назначаемых мер воздействия

Аннотация. В статье на основе данных о судимости за период с 2013 по 2022 г. выявляются и осмысливаются некоторые закономерности развития криминальной ситуации в России за указанный период. Обращено внимание на увеличение числа привлекаемых к ответственности с 2020 г. (на 48 тыс. человек по состоянию на 2022 г.), а также рост удельного веса осуждаемых за тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе осужденных (особенно за период 2018–2022 гг.); существенные изменения в части числа осужденных за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта: четырехкратный рост числа осужденных (на 48,6 тыс.), что с учетом общего снижения числа осужденных привело к росту удельного веса таких осужденных в общей массе с 2,1 до 11,1 %; увеличение удельного веса несовершеннолетних осужденных, воспитываемых в полной семье (4,5 %), и соразмерное уменьшение несовершеннолетних осужденных, воспитываемых вне семьи; увеличение удельного веса привлекаемых к ответственности ранее судимых лиц с 34 % в 2013 г. до 38,5 % в 2022 г.; высокую эффективность применения институтов условно-досрочного освобождения от наказания и условного осуждения; не теряющую остроты проблему количества лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения (удельный вес в 2022 г. — 25,2 %); существенный рост числа применения конфискации имущества (4 195 в 2022 г.; рост удельного веса с 0,1 до 0,7 % в общем числе применяемых мер воздействия); увеличение удельного веса вида наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью в общем числе применяемых мер (с 1,7 до 12,2 %).

Ключевые слова: судимость; уголовная ответственность; рецидивная преступность; преступность несовершеннолетних; категории преступлений; характеристика осужденных; личность преступника; несовершеннолетний осужденный; несовершеннолетний преступник; алкогольное опьянение; уголовное наказание; лишение свободы; конфискация имущества; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Для цитирования: Маслов В. А. Судимость в России в 2013–2022 годах: общая характеристика и особенности совершаемых деяний, виновных лиц и назначаемых мер воздействия // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 141–161. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.141-161.

© Маслов В. А., 2025

* Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России
Корепина ул., д. 66, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620017
villi@e1.ru

Criminal Record in Russia in 2013–2022: General Characteristics and Features of Acts Committed, Perpetrators and Assigned Enforcement Actions

Villy A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Research and Editorial and Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russian Federation
villi@e1.ru

Abstract. The paper, based on criminal record data for the period from 2013 to 2022, identifies and interprets certain patterns in the development of the crime situation in Russia over the specified period. Attention is drawn to the increase in the number of people brought to justice since 2020 (by 48 thousand people as of 2022), as well as the growth in the proportion of those convicted of serious and especially serious crimes in the total number of convicts (especially for the period 2018–2022); significant changes in the number of those convicted of crimes against traffic safety and transport operation: a fourfold increase in the number of convicts (by 48.6 thousand), which, taking into account the overall decrease in the number of convicts, led to an increase in the proportion of such convicts in the total number from 2.1 to 11.1 %; an increase in the proportion of juvenile convicts raised in a complete family (4.5 %), and a proportionate decrease in juvenile convicts raised outside the family; an increase in the proportion of previously convicted persons brought to justice from 34 % in 2013 to 38.5 % in 2022; high efficiency of the application of the institutions of parole and suspended sentence; the continuing acute problem of the number of persons who committed a crime while intoxicated (the proportion in 2022 was 25.2 %); a significant increase in the number of applications for property confiscation (4,195 in 2022; an increase in the proportion from 0.1 to 0.7 % of the total number of measures applied); an increase in the proportion of the type of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions and engage in certain activities in the total number of measures applied (from 1.7 to 12.2 %).

Keywords: criminal record; criminal liability; recidivism; juvenile delinquency; categories of crimes; characteristics of convicted persons; identity of the offender; juvenile convicted person; juvenile offender; alcohol intoxication; criminal punishment; deprivation of liberty; confiscation of property; deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities.

Cite as: Maslov VA. Criminal Record in Russia in 2013–2022: General Characteristics and Features of Acts Committed, Perpetrators and Assigned Enforcement Actions. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):141-161. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.141-161.

Введение

Выработка корректных мер борьбы с преступностью возможна лишь на основе достоверных данных, позволяющих судить о состоянии дел в сфере противодействия наиболее общественно опасным проявлениям человеческого поведения.

Стремительно меняющиеся общественные отношения предполагают необходимость перманентного мониторинга криминальной ситуации в целях выработки своевременных (по возможности — превентивных) мер, призванных обеспечить соблюдение прав и свобод членов общества, среди которых особое место занимают уголовно-правовые меры. Именно данные

меры, формирующие правовую основу борьбы с преступностью, призваны, с одной стороны, недвусмысленно указать всем субъектам на недопустимость общественно опасного поведения и, с другой стороны, в случае совершения таких противоправных действий, выступить материальной основой для привлечения к наиболее строгой — уголовной — ответственности.

С учетом изложенного представляется актуальным исследование судимости в России в 2013–2022 гг., выявление и осмысление тенденций развития тех или иных криминальных проявлений в динамике, в контексте имеющихся доктринальных точек зрения, что может послужить как основой для дальнейших научных исследований (в том числе прогностического

характера), так и ориентиром для коррекции правоприменительной практики и законодательства.

Методология

На основе диалектико-материалистического метода познания с использованием метода статистического анализа исследуются имеющиеся статистические данные о судимости в России в 2013–2022 гг.

Основная часть

Признавая невозможность (ввиду ограниченности объема публикации) рассмотрения всех значимых аспектов, характеризующих ситуацию с судимостью в России в 2013–2022 гг., в данной публикации позволим себе остановиться:

1) на общей характеристике и особенностях совершаемых деяний (количество, структура, объекты посягательства);

2) общей характеристике и особенностях осужденных (количество, социальная принадлежность, возрастной состав, семейное состояние, наличие судимости, состояние алкогольного опьянения);

3) назначаемых наказаний и иных мерах уголовно-правового характера.

Эмпирическая база исследования основана на данных, отраженных в форме «Основные статистические показатели состояния судимости в России 2007–2022 годы», опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ¹.

1. Общая характеристика и особенности совершаемых деяний (количество, структура, объекты посягательства)

Начать стоит с общей характеристики осужденных, отметив количество осужденных лиц по приговорам, вступившим в законную силу,

и структуру осужденных в зависимости от категории преступления (диаграмма 1).

Следует констатировать положительную динамику снижения числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности, за анализируемый период на 156 тыс. чел. (–21,2 %), что можно воспринимать позитивно. Однако в то же время:

— во-первых, достигнутый пик падения количества осужденных в 2020 г. сменился увеличением числа привлеченных к ответственности (на 48 тыс. по состоянию на 2022 г.);

— во-вторых, фактически не претерпел изменений удельный вес осуждаемых за тяжкие и особо тяжкие преступления, хотя опять же стоит акцентировать внимание на том, что минимальные относительные показатели 2018–2020 гг. сменились и в этом случае ростом к 2022 г.

В целом же структура осужденных на конец анализируемого периода (2022 г.) говорит нам о том, что каждый второй (50,5 %) осужден за преступление небольшой тяжести, четверо из десяти совершили преступление средней тяжести (20,4 %) или тяжкое преступление (23,5 %), а каждый двадцатый — особо тяжкое преступление.

С учетом различной социальной значимости объектов охраны представляется обоснованным рассмотреть динамику удельного веса осужденных в зависимости от объекта посягательства (диаграмма 2).

Данная диаграмма наглядно иллюстрирует наиболее часто подверженные посягательствам объекты (в совокупности составляющие 75–80 % от общего числа осужденных): четверо из десяти в 2022 г. осуждены за преступления против собственности; еще по одному осуждено: за преступления против здоровья населения и общественной нравственности, против жизни и здоровья, против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

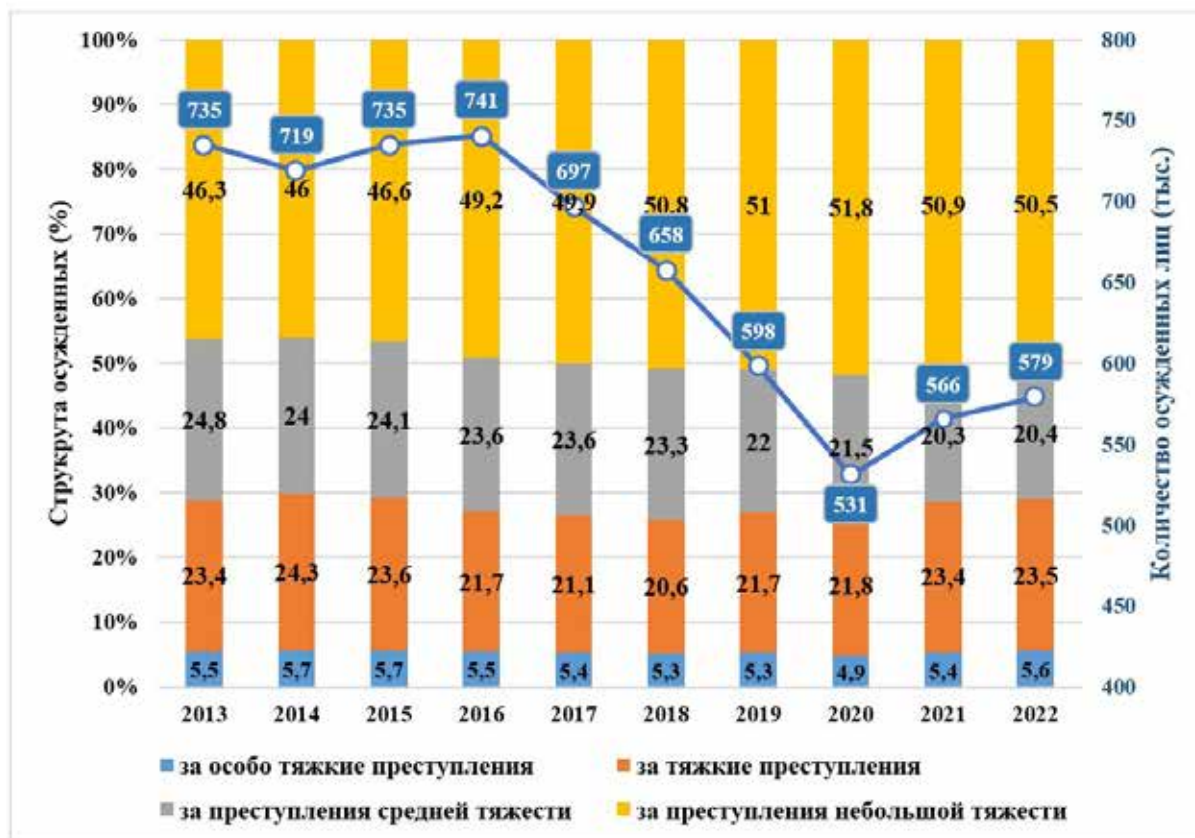
Кроме того, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, наибольшей популярностью в преступной среде обладает такой объект охра-

¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России 2007–2022 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 15.02.2024).

Диаграмма 1

Количество осужденных лиц по вступившим в законную силу приговорам (тыс.);
структура осужденных в зависимости от категории преступления (%) (2013–2022)

ны, как отношения собственности, и, несмотря на снижение числа осужденных (на 97,8 тыс.), равно как и снижение удельного веса данных лиц на 4,7 %, общее число осужденных за преступления против собственности остается значительным — 227,8 тыс. в 2022 г. (из них 166 тыс. — за кражу).

Во-вторых, наиболее стабильным (с точки зрения удельного веса) является число осужденных за преступления против здоровья населения и общественной нравственности, поскольку снижение количества осужденных на 38,1 тыс. составляет снижение их удельного веса в общей массе осужденных лишь на 2,4 %; 72,7 тыс. лиц осуждено по ст. 228–228.2, 234 Уголовного кодекса Российской Федерации² при 101,2 тыс. осужденных по данным статьям в 2012 г.

В-третьих, несколько более существенные изменения произошли в части осуждения за преступления против жизни и здоровья: фактически двукратное снижение числа осужденных (62,6 тыс. лиц), в разрезе удельного веса интерпретируемое как снижение на 6,3 %.

В-четвертых, наиболее существенные изменения наблюдаются в части числа осужденных за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта: четырехкратный рост числа осужденных (на 48,6 тыс.), что, с учетом общего снижения числа осужденных, привело к росту удельного веса таких осужденных в общей массе с 2,1 до 11,1 %. Характерно, что по ст. 264 УК РФ также наблюдается снижение числа осужденных с 15,3 тыс. в 2013 г. до 8,4 тыс. в 2022 г.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Диаграмма 2

Динамика удельного веса осужденных в зависимости от объекта посягательства (%) (2013–2022)

За рамками указанной диаграммы остались менее «популярные» среди преступников деяния — против семьи и несовершеннолетних. Число осужденных за наказуемые в рамках ст. 150–157 УК РФ деяния снизилось с 63,3 тыс. до 50,5 тыс. (20,2 %), что в контексте удельного веса характеризуется уже как небольшой рост: с 8,6 до 8,7 %.

В негативном плане можно охарактеризовать динамику преступлений против порядка управления, поскольку снижение числа осужденных за период с 2013 по 2022 г. составило всего 2,2 тыс. (по итогам 2022 г. осужденных по ст. 317–330.2 УК РФ — 35,8 тыс.); как следствие, удельный вес таких осужденных в общей массе вырос с 5,2 до 6,2 %.

Равным образом требует отдельного рассмотрения динамика осужденных за не столь распространенные преступления, которая свидетельствует о необходимости обращения на нее пристального внимания.

Во-первых, за анализируемый период наблюдается существенный рост осужденных за преступления против половой неприкосновен-

ности и половой свободы личности: с 5,6 тыс. в 2013 г. до 7,6 тыс. в 2022 г.

Во-вторых, еще более впечатляющая негативная динамика обнаруживается с учетом осужденных за преступления в сфере экономической деятельности: в 2013 г. — 3,7 тыс., в 2022 г. — 9,8 тыс.

В-третьих, не менее настораживающими выглядят данные о числе осужденных за преступления против правосудия: 7,2 тыс. в 2013 г. и 13,5 тыс. в 2022 г.

2. Общая характеристика и особенности осужденных (количество, социальная принадлежность, возрастной состав, семейное состояние, наличие судимости, состояние алкогольного опьянения)

Дав краткую общую характеристику совершенных в России преступлений, представляется возможным обратиться к вопросу о лицах, их совершивших. Характеризуя осужденных лиц, стоит отметить, что не претерпело существенных изменений соотношение числа осужденных

в зависимости от пола: по-прежнему подавляющее большинство осужденных — мужчины (в 2013 г. — 85,1 %, в 2022 г. — 85,3 %; в среднем за анализируемый период — 85,9 %), 14 из 100 осужденных — женщины.

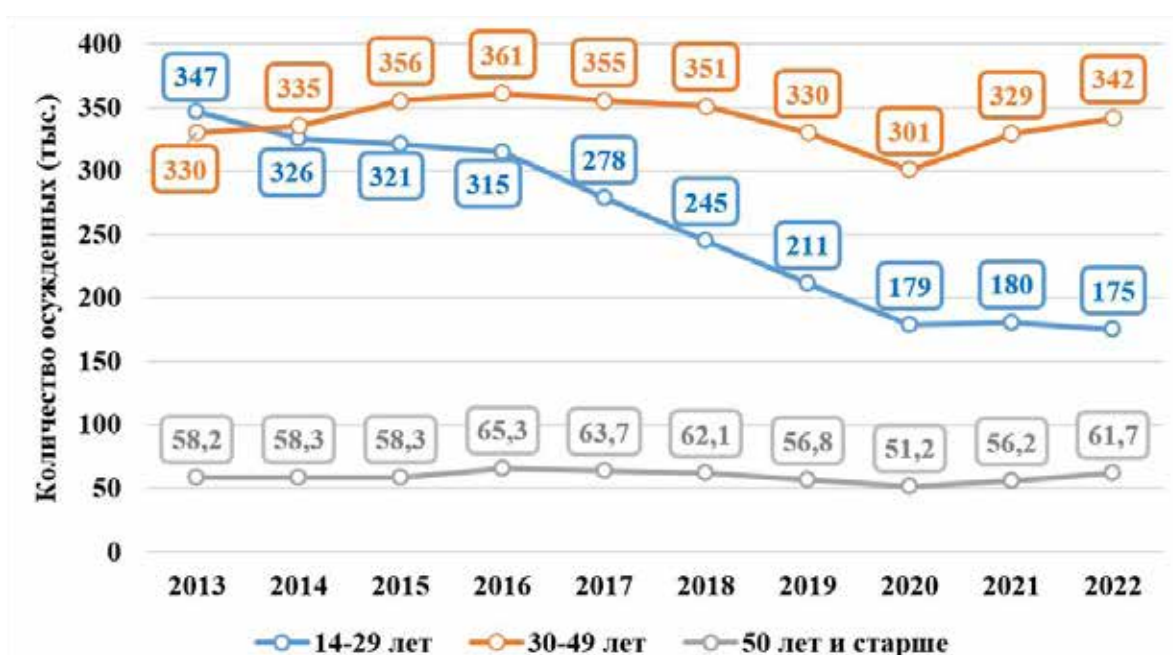
В части социальной принадлежности, как и ранее, большинство осуждаемых относятся к трудоспособным лицам без определенных занятий, при этом, несмотря на общее сни-

жение количества таких лиц с 456,2 тыс. в 2013 г. до 363,4 тыс. в 2022 г. (на 92,7 тыс.), с учетом общего снижения числа осужденных удельный вес данных лиц относительно стабилен и составляет 62,8 % в 2022 г. (в 2013 г. — 62 %).

Несколько более значительные изменения произошли в части возрастной характеристики осужденных (диаграмма 3).

Диаграмма 3

Динамика количества осужденных в зависимости от возраста (тыс.) (2013–2022)

Наибольшая стабильность наблюдается в самой возрастной категории осужденных: 58,2 тыс. осужденных в возрасте 50 лет и старше в 2013 г. и 61,7 тыс. в 2022 г. (в среднем 59,2 тыс. осужденных в год).

Разнонаправленная динамика наблюдается в части осужденных средней возрастной категории: при 330 тыс. осужденных в возрасте 30–49 лет в 2013 г. к 2016 г. их число увеличилось до 361 тыс., дальнейшие четыре года характеризовались снижением числа осужденных данной возрастной категории до 301 тыс. в 2020 г., после чего снова наметилась тенденция к росту.

Наиболее систематическое и существенное снижение наблюдается в части числа осужден-

ных в возрасте 14–29 лет. Так, с 347 тыс. таких осужденных в 2013 г. к 2022 г. их число уменьшилось вдвое — до 175 тыс.

С учетом существенного снижения общего числа осужденных представляется обоснованным обращение внимания на структуру осужденных лиц в зависимости от возраста (диаграмма 4).

Указанное выше существенное снижение числа осужденных в возрасте от 14 до 29 лет при росте числа более возрастных осужденных (30–49 лет) с 330,1 тыс. в 2013 г. до 341,8 тыс. в 2022 г. привело к значительному снижению удельного веса наиболее молодой возрастной категории в общем числе осужденных. Так, если

Диаграмма 4

Структура осужденных лиц по возрасту (%) (2013–2022)

в 2013 г. практически каждый второй осужденный был в возрасте 14–29 лет, то к 2022 г. — уже каждый третий.

С учетом общего снижения числа осужденных возрос удельный вес в общем числе осужденных не только лиц в возрасте 30–49 лет (с 44,9 до 59 %), но и лиц 50 лет и старше (с 7,9 до 10,7 %).

Представляется, что можно позитивно оценивать указанные данные, иллюстрирующие снижение числа лиц, встающих на преступный путь в молодом возрасте, отметив, что закономерным результатом является снижение числа находящихся в колониях для взрослых лиц, совершивших преступления в возрасте до 25 лет, более чем в два раза³, что также следует воспринимать положительно.

Вместе с тем стоит чуть подробнее остановиться на характеристике личности осужденных, совершающих преступление в возрасте 14–17 лет.

Так, подавляющее большинство таких лиц — мужчины (92,9 % в 2013 г., 91,4 % в 2022 г.); трое из десяти — в возрасте 14–15 лет (30,5 % в 2013 г., 28,9 % в 2022 г.), оставшиеся семь из десяти — 16–17 лет. Стабильно большое число таких несовершеннолетних осужденных — учащиеся (68,5 % в 2013 г. и 64,9 % в 2022 г.).

Позитивной оценки заслуживает факт снижения числа осужденных несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (с 4 378 в 2013 г. до 1 472 в 2022 г.), удельный вес среди несовершеннолетних осужденных по данному критерию снизился с 15 до 10,4 %.

Вызывает некоторую настороженность то, что каждый четвертый несовершеннолетний совершил преступление в группе, в том числе с участием взрослых (19,4 % в 2013 г., 21,5 % в 2022 г.). Данное обстоятельство важно ввиду как существенного значения (каждый пятый несовершеннолетний совершает преступление

³ Маслов В. А. Официальная статистика и оценка состояния борьбы с преступностью в 2012–2022 годах // Lex russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 1 (206). С. 80.

совместно со взрослым, что свидетельствует о передаче криминального опыта), так и пусть небольшой, но тем не менее негативной динамики роста удельного веса таких несовершеннолетних в общей массе осужденных несовершеннолетних, что в очередной раз свидетельствует о необходимости усиления ответственности в отношении взрослых за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий⁴.

Что касается личности несовершеннолетних осужденных, то здесь определенный интерес представляет характеристика семейного состояния как значимого фактора социализации и привития необходимых морально-нравственных черт и установок (диаграмма 5).

Подавляющее большинство осужденных несовершеннолетних (92,2 % по итогам 2022 г.) воспитывались в семье (как полной, так и с одним родителем).

Налицо не столь значительная, но тем не менее заслуживающая внимания тенденция увеличения удельного веса несовершеннолетних осужденных, воспитываемых в полной семье (4,5 %), и соразмерное уменьшение количества несовершеннолетних осужденных, воспитываемых вне семьи.

Можно говорить о двух взаимосвязанных причинах указанного: ключевой — совершенствовании работы с подопечными в специализированных воспитательных учреждениях для детей, лишившихся родителей или оставшихся без их попечения; второстепенной — недостатках воспитания в полных семьях, вызванных, в свою очередь, также рядом факторов и обстоятельств, в связи с чем в очередной раз стоит отметить исключительно значимую роль семьи в вопросах коррекции как допреступного⁵, так и постпреступного⁶ поведения несовершеннолетних.

Целесообразно рассмотреть также динамику привлечения к ответственности ранее судимых осужденных (имеющих неснятую или непогашенную судимость) (диаграмма 6).

Несмотря на снижение числа юридически ранее судимых осужденных на 27 тыс. (с 250 тыс. в 2013 г. до 223 тыс. в 2022 г.), с учетом общего снижения числа осужденных, удельный вес ранее судимых лиц увеличился с 34 % в 2013 г. до 38,5 % в 2022 г.

Акцентируя внимание на негативной динамике роста удельного веса осуждаемых повторно, стоит напомнить и о том, что речь идет о юридически судимых — тех, у кого судимость не снята и не погашена, тогда как судимых с криминологической точки зрения (ранее совершавших преступления и (или) привлекавшихся к ответственности) намного больше. К примеру, следует привести данные ученых, указывающих, что каждый второй из числа лиц, совершивших преступления в 2015 г., ранее совершал преступления (552 582 человек, 52 %)⁷, отметив, что удельный вес осужденных, имеющих неснятую или непогашенную судимость за тот же период, — 32,7 %.

Данное обстоятельство предполагает необходимость актуализации вопросов должного пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия на осуждаемых лиц.

Обозначенная динамика во взаимосвязи с указанной чуть выше возрастной характеристикой осужденных может интерпретироваться как рост удельного веса осужденных в возрасте 30–49 лет, которые ранее уже были привлечены к уголовной ответственности.

Характерно и то, что количество осужденных, имеющих судимость и освобожденных от отбывания наказания условно-досрочно, уменьшилось с 38,4 тыс. в 2013 г. до 13 тыс. в 2022 г.,

⁴ Дикаев С. У., Дикаева М. С. Об уголовной политике реагирования на преступность несовершеннолетних в современной России // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 696.

⁵ Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 12.

⁶ Ковтуненко Л. В. Роль семьи в воспитании и ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 8 (219). С. 33.

⁷ Афанасьева О. Р., Гончарова М. В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2016. № 3. С. 43.

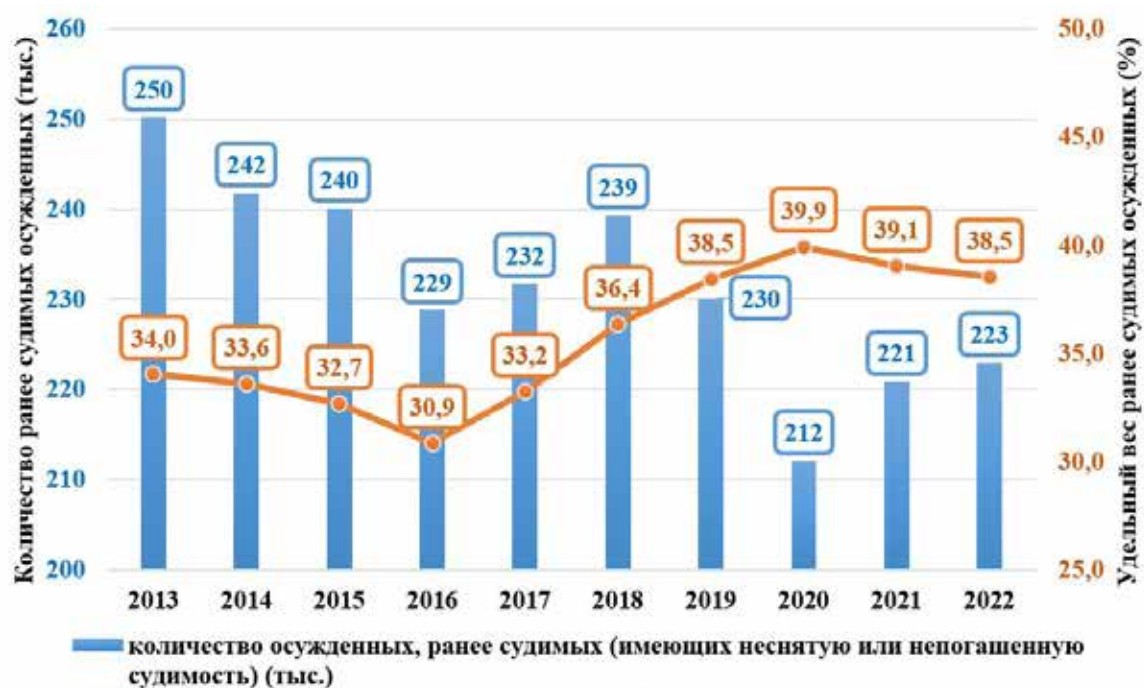
Диаграмма 5

Структура осужденных в возрасте 14–17 лет в зависимости от семейного состояния (%) (2013–2022)

Диаграмма 6

Динамика количества ранее судимых осужденных (имеющих неснятую или непогашенную судимость) (тыс.); удельный вес ранее судимых осужденных (имеющих неснятую или непогашенную судимость) (%) (2013–2022)

удельный вес таких лиц от общего числа осужденных снизился на 9,3 % (с 15,4 % в 2013 г. до 6,1 % в 2022 г.) (диаграмма 7).

Указанные данные вполне можно интерпретировать как повышение эффективности института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и решение (в некоторой степени) проблем правоприменительного толка, свойственных данному институту в начале 2010-х гг.⁸, хотя и исследования последних лет обращают внимание на «произвольное толкование и применение норм об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания»⁹.

сти распространения положений об условно-досрочном освобождении на иные (помимо лишения свободы) наказания (к примеру, исправительные и обязательные работы¹⁰).

В чем-то сходная тенденция прослеживается при рассмотрении сведений о количестве осужденных, ранее судимых (имеющих неснятую или непогашенную судимость), совершивших преступление, не отбыв условное осуждение (диаграмма 8).

Диаграмма наглядно показывает, что фактически каждый второй (47,9 %) из числа осужденных, совершивших преступление, не отбыв

Диаграмма 7

Динамика количества осужденных, ранее освобожденных условно-досрочно (тыс.); удельный вес осужденных, ранее освобожденных условно-досрочно, в общей массе ранее судимых осужденных (%) (2013–2022)

Представляется, что, с учетом указанной динамики, уместно вести речь о необходимости

наказание по предыдущему приговору, в 2013 г. не отбыл условное осуждение (48,8 тыс. осуж-

⁸ Макарова О. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и его применение // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 75 ; Кашуба Ю. А., Скиба А. П. Институт условно-досрочного освобождения: новый взгляд // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 17.

⁹ Дроздов А. И., Орлов А. В. Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1 (86). С. 164.

¹⁰ Князьков А. С. Условно-досрочное освобождение: проблемы и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 67.

Диаграмма 8

Динамика количества осужденных, совершивших преступление, не отбыв условное осуждение (тыс.); удельный вес данных лиц в числе осужденных, совершивших преступление, не отбыв наказание по предыдущему приговору (%) (2013–2022)

денных). К 2022 г. таких осужденных стало меньше на 21,8 тыс., а их доля в общем числе совершивших преступление, не отбыв наказание по предыдущему приговору, составила 26 %.

Демонстрируемая динамика, на наш взгляд, свидетельствует о повышении эффективности института условного осуждения.

Известная со времен появления алкоголя проблема преступности, совершаемой лицами, находящимися под воздействием этилового спирта (этанола), предполагает необходимость рассмотрения динамики осужденных, совер-

шивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (диаграмма 9).

Не приходится говорить о том, что проблема взаимосвязи употребления алкоголя и совершения преступления (как отмечают исследователи, «пьянство и алкоголизм остаются негативными социальными явлениями, питающими преступность и входящими в качестве элементов в причинный комплекс преступности»¹¹) разрешена, поскольку по-прежнему большое число осужденных совершили преступление, находясь в состоянии алкогольного опьянения (146 тыс. в

¹¹ *Ендольцева А. В., Никитин А. М.* Пьянство, его истоки и криминологическая сущность // Российский следователь. 2013. № 13. С. 30.

Диаграмма 9

Динамика количества осужденных, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения (тыс.); удельный вес осужденных, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, в общей массе осужденных (%) (2013–2022)

2022 г.). При этом следует констатировать разнонаправленную динамику в части как абсолютных, так и относительных показателей: рост с 2013 по 2016 г. (на 74 тыс. осужденных), сменяющийся существенным снижением вплоть до уже указанных 146 тыс. Характерно и то, что, с учетом общего снижения числа осужденных, удельный вес лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, в общей массе осужденных, возрос до 25,2 % (в 2013 г. — 23,8 %).

Справедливости ради нужно сказать, что острота данной проблемы несколько уменьшилась по сравнению с пиковыми показателями 2016 г., когда было осуждено 249 тыс. лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, а удельный вес таких лиц составлял

33,6 %, когда фактически каждое третье преступление совершалось вследствие (или по крайней мере с некоторой степенью значимости факта воздействия этилового спирта на человека в причинном комплексе индивидуального преступного поведения) употребления алкогольных напитков. Однако даже четверть таковых осужденных всё еще является обстоятельством, требующим самого пристального внимания со стороны государства, особенно с учетом того, что по-прежнему несоразмерно низким остается число назначаемого осужденным в рамках ст. 73 УК РФ лечения от алкогольной зависимости (1 518 в 2013 г. и 1 142 в 2022 г.), что составляет 0,2 % от общего числа осужденных лиц, в связи с чем, возможно, стоит обратить особое внимание на исследования, утверждающие

необходимость разработки «недобровольных форм оказания помощи больным алкоголизмом»¹².

Сказанное актуально еще и постольку, поскольку в ряде регионов России ситуация с совершением преступлений лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, на порядок хуже, нежели в среднем по стране. Так, к примеру, в Республике Татарстан удельный вес преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в среднем за период с 2013 по 2017 г. составлял 34,8 % (в 2013 г. —

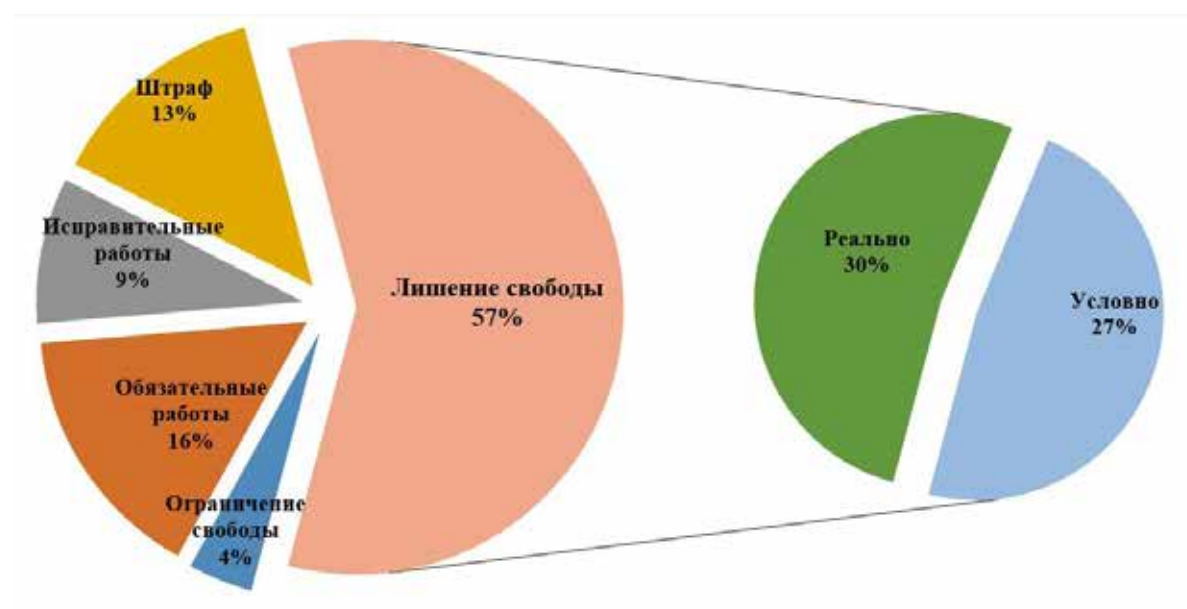
27,9 %, в 2014 г. — 34,1 %, в 2015 г. — 33,9 %, в 2016 г. — 38,7, в 2017 г. — 35,8 %¹³), в то же время указанный показатель по Российской Федерации был лишь 28,2 %.

3. Назначаемые наказания и иные меры уголовно-правового характера

Несколько слов следует сказать о структуре назначаемых осужденным наказаний (диаграмма 10).

Диаграмма 10

Структура назначаемых наказаний (2022 г.) (%)

Уточним, что на диаграмме представлены наиболее распространенные наказания. Не включены условное осуждение (за исключением назначаемого к лишению свободы), а также такие наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинар-

ной части, принудительные работы, в сумме в общем количестве назначенных наказаний составляющие 2,7 %.

Указанная структура наводит на мысль о том, что потенциал некоторых наказаний не реализуется в полной мере (например, ограничения свободы), что важно, поскольку исследователи, отмечая необходимость модернизации системы

¹² Клименко Т. В., Козлов А. А., Романов А. А. Оптимизация комплексной системы мер профилактики правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, за счет расширения форм недобровольного лечения осужденных // Вопросы наркологии. 2015. № 1. С. 100.

¹³ Шалагин А. Е., Гребенкин М. Ю. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 3. № 5. С. 44.

наказаний «с особым вниманием к альтернативным санкциям»¹⁴, говорят и о том, что подобные редко применяемые на практике наказания в большей степени направлены на «гуманизацию пенитенциарной политики»¹⁵.

Констатируя продолжающееся доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний¹⁶, отметим, что по-прежнему треть наказаний в виде лишения свободы назначается условно. Факт, на первый взгляд, несоразмерно частого применения условного осуждения может быть объяснен среди прочего и тем, что «суровое уголовное наказание если и оказывает, то незначительное влияние на уровень преступности и производит небольшой превентивный эффект. В то же время наказание в виде лишения свободы имеет значительные отрицательные последствия»¹⁷. С учетом отмеченной выше позитивной динамики осуждения после применения к лицу условного осуждения стоит считать обоснованной широкую распространенность такого снисхождения к виновным.

Признавая ситуацию с основными видами наказания относительно стабильной, необходимо отметить две характерные тенденции в части

динамики назначения осужденным дополнительных наказаний.

Во-первых, кратно возросло число применения конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ): если в 2013 г. было лишь 920 данных фактов, то в 2022 г. таковых уже 4 195. Как следствие, удельный вес числа осужденных, к которым применялась конфискации имущества, вырос с 0,1 до 0,7 %. При этом 60 % назначения конфискации имущества (2 518 фактов) относится к осужденным за незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами (ст. 228–234.1 УК РФ), тогда как и на международном уровне (ст. 31 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции¹⁸), и доктринально установлена высокая эффективность конфискации имущества прежде всего для коррупционной и организованной преступности¹⁹, причем намного чаще говорят о необходимости ее «возрождения» в исходной форме — в виде наказания²⁰.

Представляется, что более масштабному (и, наверно, обоснованному) расширению практики применения этой меры препятствуют заложенная законодателем диспозитивность²¹,

¹⁴ Уткин В. А. Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25). С. 121.

¹⁵ Антонян Е. А. Вопросы гуманизации исполнения наказаний в России и в зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4 (13). С. 287.

¹⁶ Маслов В. А. Доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний: проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 3 (148). С. 131–145.

¹⁷ Кури Х., Ильченко О. Ю. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 253.

¹⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

¹⁹ Зорькин В. Д. Коррупция как угроза стабильному развитию общества // Журнал российского права. 2012. № 7 (187). С. 19; Козловская М. Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 2 (55). С. 175.

²⁰ Буркина О. А., Устинов А. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 121; Волженкин Б. В. Загадки конфискации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 2 (277). С. 20; Романовский Г. Б. Проблемы противодействия коррупции: право и криминология // Наука. Общество. Государство. 2015. Т. 3. № 4 (12). С. 69.

²¹ Маслов В. А. Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12 (145). С. 175–190.

а также ограниченность применения конфискации имущества конкретным перечнем статей Особенной части УК РФ, о необходимости расширения²² которого (а то и вовсе исключения данного перечня и признания возможности назначения конфискации за совершение любого преступления²³) также справедливо говорят исследователи.

Во-вторых, наиболее масштабными — как в абсолютных показателях, так и в переводе на удельный вес в общем количестве осужденных — выглядят показатели назначения осужденным наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью (диаграмма 11).

Диаграмма 11

Динамика количества назначения осужденным наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью (тыс.); удельный вес количества осужденных, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, в общем числе осужденных (%) (2013–2022)

²² Адоевская О. А. О проблеме унификации международных, зарубежных и национальных норм о борьбе с коррупцией // Уголовное право. 2013. № 3. С. 94 ; Волков К. А. Уголовно-правовые проблемы противодействия коррупционным преступлениям // Российский следователь. 2011. № 15. С. 7.

²³ Векленко С. В., Карпов К. Н. Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 25 ; Лаптев Д. Б., Федоров А. А. Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 243.

Столь значительный рост с 2016 г. обусловлен неоднозначно воспринятой в доктрине уголовного права криминализацией с 1 июля 2015 г. нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию²⁴. Осуждение по данной норме привело к росту числа лиц (некоторые авторы характеризуют таких лиц как имеющих «значительный криминогенный потенциал»²⁵), которым назначается наказание в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью с 12,2 тыс. в 2013 г. до 69 тыс. в 2022 г. (росту удельного веса этого вида наказания в общем числе применяемых мер с 1,7 до 12,2 %).

С одной стороны, стоит признать, что уголовное законодательство традиционно считалось оплотом борьбы с деяниями наиболее общественно опасными и, как следствие, требующими принятия наиболее суровых, не свойственных иным видам юридической ответственности правоограничительных мер (неоспоримо обладающих карательным характером²⁶). Именно отсутствие элемента кары в данном наказании²⁷ дает основание авторам говорить о необходимости исключения лишения указанного права из системы уголовных наказаний, предусмотрев его как установленную законом меру безопас-

ности²⁸. В этой части тенденция расширения практики назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью может интерпретироваться как неоправданное расширение границ действия уголовного закона (сближение с административно-деликтным законодательством, которому также присуща данная мера воздействия), отступление от концепции «маленького, но жесткого» уголовного закона, особенно с учетом того факта, что самим осужденным эта мера нередко не воспринимается как наказание²⁹, а ее исполнение осуществляется в условиях правовой неурегулированности мер воздействия при уклонении осужденного от исполнения вышеупомянутого наказания³⁰.

С другой стороны, признавая общность отраслей уголовного и административного права как отраслей публичного права, регулирующих (охраняющих) наиболее значимые общественные отношения, стоит отметить отсутствие объективной возможности (как и необходимости) разграничения предметов ведения административного и уголовного права (в том числе преступлений и правонарушений) при большом количестве деяний, общественная опасность (вредность) которых «погранична». Кроме того, следует помнить и о превентивной составляю-

²⁴ Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // Российская газета. 2015. № 1. 12 января.

²⁵ Пичугин С. А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: вопросы нормативной регламентации и правоприменительной практики // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 11 (234). С. 23.

²⁶ Шеслер А. В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1 (38). С. 91.

²⁷ Мирошниченко Н. В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовное право. 2014. № 1. С. 56.

²⁸ Уткин В. А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: уголовное наказание или мера безопасности? // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82). С. 61.

²⁹ Звонов А. В. Содержание кары уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: краткий обзор // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4 (95). С. 84.

³⁰ Габараев А. Ш., Питкевич Л. П., Тимофеева Т. Н. Вопросы правового и организационного совершенствования порядка исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 92.

щей данного наказания, поскольку, как справедливо отмечают авторы, весьма эффективно с точки зрения частной превенции исключение осужденного из сферы прежней деятельности, которая использовалась им в антиобщественных целях³¹.

Вместе с тем нужно принимать во внимание и то, что увеличение числа назначений этого вида наказания требует правового и организационного совершенствования рассматриваемого наказания, в том числе ввиду «увеличения уровня повторной преступности среди рассматриваемой (речь идет о ст. 264.1 УК РФ. — В. М.) категории осужденных»³².

Заключение

С учетом имеющихся эмпирических данных и доктринальных точек зрения можно сделать следующие выводы:

1. В части общей характеристики и особенностей совершаемых деяний, характеризуя положительно динамику снижения числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за период с 2013 по 2022 г. (на 156 тыс., или 21,2 %), стоит обратить внимание на увеличение числа привлекаемых к ответственности с 2020 г. (на 48 тыс. по состоянию на 2022 г.), а также рост удельного веса осуждаемых за тяжкие и особо тяжкие преступления в общем количестве осужденных (особенно за период 2018–2022 гг.).

2. В части общей характеристики и особенностей осужденных:

— во-первых, подавляющее большинство осужденных — мужчины (в 2013 г. — 85,1 %, в 2022 г. — 85,3 %, в среднем за анализируемый период — 85,9 %); 14 из 100 осужденных — женщины; большинство осужденных — трудоспособные лица без определенных занятий, при этом, несмотря на общее снижение количества таких лиц на 92,7 тыс., их удельный вес относи-

тельно стабилен и составляет 62,8 % в 2022 г. (в 2013 г. — 62 %);

— во-вторых, наблюдается увеличение удельного веса несовершеннолетних осужденных, воспитываемых в полной семье (4,5 %), и соразмерное уменьшение несовершеннолетних осужденных, воспитываемых вне семьи. Можно предположить, что ключевой причиной является совершенствование работы с подопечными в специализированных воспитательных учреждениях для детей, лишившихся родителей или оставшихся без их попечения;

— в-третьих, не теряет остроты проблема преступности лиц, привлекавшихся ранее к уголовной ответственности, поскольку удельный вес ранее судимых лиц увеличился с 34 % в 2013 г. до 38,5 % в 2022 г.;

— в-четвертых, можно констатировать высокую эффективность (по крайней мере в сравнении с 2013 г.) применения норм институтов условно-досрочного освобождения от наказания и условного осуждения;

— в-пятых, проблема взаимосвязи употребления алкоголя и совершения преступлений должна оставаться в поле зрения, поскольку по состоянию на 2022 г. 146 тыс. лиц совершили преступление, находясь в состоянии алкогольного опьянения (удельный вес лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, в общей массе осужденных увеличился, при этом по-прежнему несоразмерно низким остается число назначаемого осужденным в рамках ст. 73 УК РФ лечения от алкогольной зависимости (0,2 % от общего числа осужденных лиц).

3. В части назначаемых мер воздействия:

— во-первых, стоит констатировать продолжающееся доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний, при этом по-прежнему треть назначаемых наказаний в виде лишения свободы — условные, что с учетом позитивной динамики осуждения после

³¹ Безручко Е. В. Основные направления совершенствования подсистемы альтернативных наказаний // Юрист-Правовед. 2017. № 3 (82). С. 75.

³² Питкевич Л. П. Уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Российский судья. 2021. № 11. С. 32.

применения к лицу условного осуждения следует считать обоснованным;

— во-вторых, признавая ситуацию с основными видами наказания относительно стабильной, нужно отметить две характерные тенденции в части динамики назначения осужденным дополнительных наказаний:

а) кратно возросло число применения конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ) — представляется, что более масштабному (и, наверно, обоснованному) расширению практики применения данной меры по-прежнему препятствуют заложенная законодателем диспозитивность, а также ограниченность применения конфискации имущества конкретным перечнем статей Особенной части УК РФ;

б) наиболее масштабными как в абсолютных показателях, так и в переводе на удельный вес в общем количестве осужденных выглядят

показатели назначения осужденным лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, что обусловлено криминализацией с 1 июля 2015 г. нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию.

Констатируя общность отраслей уголовного и административного права как отраслей публичного права, регулирующих (охраняющих) наиболее значимые общественные отношения, отмечая отсутствие объективной возможности (как и необходимости) разграничения предметов ведения административного и уголовного права (в том числе преступлений и правонарушений) при большом количестве деяний, общественная опасность (вредность) которых «погранична», стоит считать возросшую применяемость данного вида наказания обоснованной и соответствующей целям правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адоевская О. А. О проблеме унификации международных, зарубежных и национальных норм о борьбе с коррупцией // Уголовное право. — 2013. — № 3. — С. 91–96.
2. Антонян Е. А. Вопросы гуманизации исполнения наказаний в России и в зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 4 (13). — С. 278–287.
3. Афанасьева О. Р., Гончарова М. В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2016. — № 3. — С. 40–49. — DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-40-49.
4. Безручко Е. В. Основные направления совершенствования подсистемы альтернативных наказаний // Юрист-Правоведъ. — 2017. — № 3 (82). — С. 72–77.
5. Буркина О. А., Устинов А. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2015. — № 2 (28). — С. 119–124.
6. Векленко С. В., Карпов К. Н. Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник Воронежского института МВД России. — 2010. — № 1. — С. 20–26.
7. Волженкин Б. В. Загадки конфискации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2008. — № 2 (277). — С. 1–21.
8. Волков К. А. Уголовно-правовые проблемы противодействия коррупционным преступлениям // Российский следователь. — 2011. — № 15. — С. 5–9.
9. Габараев А. Ш., Питкевич Л. П., Тимофеева Т. Н. Вопросы правового и организационного совершенствования порядка исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — № 2. — С. 90–92.
10. Дикаев С. У., Дикаева М. С. Об уголовной политике реагирования на преступность несовершеннолетних в современной России // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14. — № 5. — С. 687–698. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).687-698.
11. Дроздов А. И., Орлов А. В. Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 1 (86). — С. 158–165. — DOI: 10.17803/1994-1471.2018.86.1.158-165.

12. *Ендольцева А. В., Никитин А. М.* Пьянство, его истоки и криминологическая сущность // Российский следователь. — 2013. — № 13. — С. 27–30.
13. *Звонов А. В.* Содержание кары уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: краткий обзор // Человек: преступление и наказание. — 2016. — № 4 (95). — С. 82–88.
14. *Зорькин В. Д.* Коррупция как угроза стабильному развитию общества // Журнал российского права. — 2012. — № 7 (187). — С. 18–20.
15. *Кашуба Ю. А., Скиба А. П.* Институт условно-досрочного освобождения: новый взгляд // Человек: преступление и наказание. — 2011. — № 1 (72). — С. 14–17.
16. *Клименко Т. В., Козлов А. А., Романов А. А.* Оптимизация комплексной системы мер профилактики правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, за счет расширения форм недобровольного лечения осужденных // Вопросы наркологии. — 2015. — № 1. — С. 94–104.
17. *Князьков А. С.* Условно-досрочное освобождение: проблемы и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2015. — № 2 (16). — С. 63–69. — DOI: 10.17223/22253513/16/8.
18. *Ковтуненко Л. В.* Роль семьи в воспитании и ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2020. — № 8 (219). — С. 28–34.
19. *Козловская М. Г.* Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2018. — № 2 (55). — С. 175–179. — DOI: 10.25513/1990-5173.2018.2.175-179.
20. *Кури Х., Ильченко О. Ю.* Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 2. — С. 240–256.
21. *Лаптев Д. Б., Федоров А. А.* Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 477. — С. 239–245. — DOI: 10.17223/15617793/477/27.
22. *Макарова О. В.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и его применение // Журнал российского права. — 2014. — № 10 (214). — С. 72–78. — DOI: 10.12737/5777.
23. *Маслов В. А.* Доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний: проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 3 (148). — С. 131–145. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.131-145.
24. *Маслов В. А.* Официальная статистика и оценка состояния борьбы с преступностью в 2012–2022 годах // Lex russica (Русский закон). — 2024. — Т. 77. — № 1 (206). — С. 67–90. — DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.067-090.
25. *Маслов В. А.* Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12 (145). — С. 175–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.175-190.
26. *Мирошниченко Н. В.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовное право. — 2014. — № 1. — С. 51–56.
27. *Питкевич Л. П.* Уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Российский судья. — 2021. — № 11. — С. 30–32. — DOI: 10.18572/1812-3791-2021-11-30-32.
28. *Пичугин С. А.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: вопросы нормативной регламентации и правоприменительной практики // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2021. — № 11 (234). — С. 16–24. — DOI: 10.51522/2307-0382-2021-234-11-16-24.
29. *Романовский Г. Б.* Проблемы противодействия коррупции: право и криминология // Наука. Общество. Государство. — 2015. — Т. 3. — № 4 (12). — С. 66–71.
30. *Уткин В. А.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: уголовное наказание или мера безопасности? // Человек: преступление и наказание. — 2013. — № 3 (82). — С. 58–61.
31. *Уткин В. А.* Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика // Вестник Кузбасского института. — 2015. — № 4 (25). — С. 117–121.

32. Шалагин А. Е., Гребенкин М. Ю. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2018. — Т. 3. — № 5. — С. 39–47.
33. Шеслер А. В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Вестник Кузбасского института. — 2019. — № 1 (38). — С. 84–96.
34. Эминов В. Е., Антоян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 1 (50). — С. 1–14.

Материал поступил в редакцию 19 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Adoevskaya O. A. O probleme unifikatsii mezhdunarodnykh, zarubezhnykh i natsionalnykh norm o borbe s korruptsiyey // Uголовное право. — 2013. — № 3. — С. 91–96.
2. Antonyan E. A. Voprosy gumanizatsii ispolneniya nakazaniy v Rossii i v zarubezhnykh stranakh // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2009. — № 4 (13). — С. 278–287.
3. Afanaseva O. R., Goncharova M. V. Kriminologicheskiy portret lichnosti prestupnika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya». — 2016. — № 3. — С. 40–49. — DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-40-49.
4. Bezruchko E. V. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya podsistemy alternativnykh nakazaniy // Yurist-Pravoved. — 2017. — № 3 (82). — С. 72–77.
5. Burkina O. A., Ustinov A. A. Konfiskatsiya imushchestva kak mera protivodeystviya korruptsii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2015. — № 2 (28). — С. 119–124.
6. Veklenko S. V., Karpov K. N. Konfiskatsiya imushchestva: protivorechiya zakonodatelstva // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2010. — № 1. — С. 20–26.
7. Volzhenkin B. V. Zagadki konfiskatsii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie. — 2008. — № 2 (277). — С. 1–21.
8. Volkov K. A. Uголовно-правовые проблемы противodeystviya korruptsionnym prestupleniyam // Rossiyskiy sledovatel. — 2011. — № 15. — С. 5–9.
9. Gabaraev A. Sh., Pitkevich L. P., Timofeeva T. N. Voprosy pravovogo i organizatsionnogo sovershenstvovaniya poryadka ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya prava zanimat opredelennye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatel'nostyu // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. — 2020. — № 2. — С. 90–92.
10. Dikaev S. U., Dikaeva M. S. Ob uголовной politike reagirovaniya na prestupnost nesovershennoletnikh v sovremennoy Rossii // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2020. — Т. 14. — № 5. — С. 687–698. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).687-698.
11. Drozdov A. I., Orlov A. V. Aktualnye problemy uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2018. — № 1 (86). — С. 158–165. — DOI: 10.17803/1994-1471.2018.86.1.158-165.
12. Endoltseva A. V., Nikitin A. M. Pyanstvo, ego istoki i kriminologicheskaya sushchnost // Rossiyskiy sledovatel. — 2013. — № 13. — С. 27–30.
13. Zvonov A. V. Soderzhanie kary uголовного nakazaniya v vide lisheniya prava zanimat opredelennye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatel'nostyu: kratkiy obzor // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — 2016. — № 4 (95). — С. 82–88.
14. Zorkin V. D. Korruptsiya kak ugroza stabilnomu razvitiyu obshchestva // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2012. — № 7 (187). — С. 18–20.
15. Kashuba Yu. A., Skiba A. P. Institut uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya: novyy vzglyad // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — 2011. — № 1 (72). — С. 14–17.
16. Klimenko T. V., Kozlov A. A., Romanov A. A. Optimizatsiya kompleksnoy sistemy mer profilaktiki pravonarusheniy, sovershennykh v sostoyanii alkogol'nogo opyaneniya, za schet rasshireniya form nedobrovol'nogo lecheniya osuzhdennykh // Voprosy narkologii. — 2015. — № 1. — С. 94–104.

17. Knyazkov A. S. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie: problemy i tendentsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2015. — № 2 (16). — S. 63–69. — DOI: 10.17223/22253513/16/8.
18. Kovtunen L. V. Rol semi v vospitanii i resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh // Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy. — 2020. — № 8 (219). — S. 28–34.
19. Kozlovskaya M. G. Opyt borby s organizovannoy prestupnostyu v Gruzii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2018. — № 2 (55). — S. 175–179. — DOI: 10.25513/1990-5173.2018.2.175-179.
20. Kuri Kh., Ilchenko O. Yu. Effektivnost nakazaniya: rezultaty mezhdunarodnykh issledovaniy // Aktualnye problemy ekonomiki i prava. — 2013. — № 2. — S. 240–256.
21. Laptev D. B., Fedorov A. A. Sovershenstvovanie instituta konfiskatsii imushchestva na osnove opyta zarubezhnykh stran // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — № 477. — S. 239–245. — DOI: 10.17223/15617793/477/27.
22. Makarova O. V. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya i ego primeneniye // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2014. — № 10 (214). — S. 72–78. — DOI: 10.12737/5777.
23. Maslov V. A. Dominirovaniye lisheniya svobody v strukture naznachayemykh nakazaniy: problemy pravoprimeritelnoy praktiki // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2023. — T. 18. — № 3 (148). — S. 131–145. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.131-145.
24. Maslov V. A. Ofitsialnaya statistika i otsenka sostoyaniya borby s prestupnostyu v 2012–2022 godakh // Lex russica (Russkiy zakon). — 2024. — T. 77. — № 1 (206). — S. 67–90. — DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.067-090.
25. Maslov V. A. Effektivnost konfiskatsii imushchestva v kontekste ofitsialnoy statistiki // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 12 (145). — S. 175–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.175-190.
26. Miroshnichenko N. V. Lisheniye prava zanimat opredelennyye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatelnostyu // Ugolovnoye pravo. — 2014. — № 1. — S. 51–56.
27. Pitkevich L. P. Ugolovnoye nakazaniye v vide lisheniya prava zanimat opredelennyye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatelnostyu // Rossiyskiy sudya. — 2021. — № 11. — S. 30–32. — DOI: 10.18572/1812-3791-2021-11-30-32.
28. Pichugin S. A. Lisheniye prava zanimat opredelennyye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatelnostyu: voprosy normativnoy reglamentatsii i pravoprimeritelnoy praktiki // Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy. — 2021. — № 11 (234). — S. 16–24. — DOI: 10.51522/2307-0382-2021-234-11-16-24.
29. Romanovskiy G. B. Problemy protivodeystviya korruptsii: pravo i kriminologiya // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. — 2015. — T. 3. — № 4 (12). — S. 66–71.
30. Utkin V. A. Lisheniye prava zanimat opredelennyye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatelnostyu: ugolovnoye nakazaniye ili mera bezopasnosti? // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. — 2013. — № 3 (82). — S. 58–61.
31. Utkin V. A. Ugolovnye nakazaniya v Rossii: penalizatsiya i sudebnaya praktika // Vestnik Kuzbasskogo instituta. — 2015. — № 4 (25). — S. 117–121.
32. Shalagin A. E., Grebenkin M. Yu. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdeniye prestupleniy, sovershennykh v sostoyanii alkogolnogo opyaneniya // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2018. — T. 3. — № 5. — S. 39–47.
33. Shesler A. V. Pochemu ugolovnoye nakazaniye dolzhno byt karoy // Vestnik Kuzbasskogo instituta. — 2019. — № 1 (38). — S. 84–96.
34. Eminov V. E., Antonyan Yu. M. Lichnost prestupnika i ee formirovaniye // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2015. — № 1 (50). — S. 1–14.